

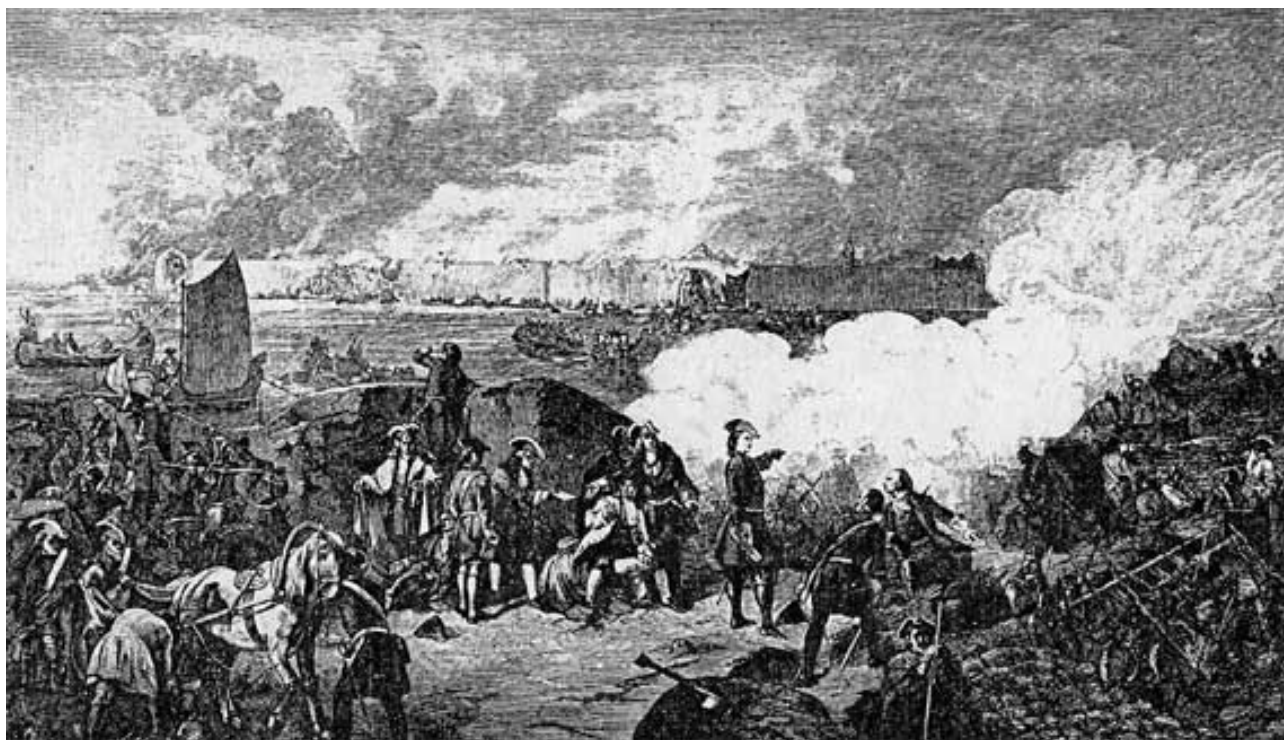
Как «разгрызли» Орешек

К лету 1702 года стало ясно, что не разорение Эстляндии и Лифляндии было главной целью Петра в этой войне. У него созрел план самостоятельных и неожиданных для всех участников конфликта действий. С началом 1702 года Петр решил завоевать для России шведскую Ингрию. Он тщательно готовился к походу и отвлекал внимание Карла XII, ушедшего в Польшу, рейдами армии Шереметева, не опасными для Риги и других крупных крепостей Лифляндии и Эстляндии. А в это время в тылу кипела напряженная работа: готовились и скрытно перебрасывались войска, в Ладого и других пограничных городах делали запасы боеприпасов и снаряжения для осады и взятия крепостей. Летом 1702 года Петр уехал в Архангельск и 19 августа из приморской деревни Нюхчи писал Августу II с неясным намеком: «Мы обретаемся близ границы неприятельские и намерены, конечно с Божиею помощию, некоторое начинание учинить». Что это было за «начинание», стало известно в конце августа.

Оказывается, Петр определил, что побережье Белого моря находится всего в 170 верстах от Онежского озера, соединенного рекою Свирью с Ладожским озером и – соответственно – с Невой. Он приказал проложить через лес дорогу и, используя традиции русских волоков, перетащить силами местных крестьян и солдат тринадцать морских судов, в том числе две яхты, которые уже 26 августа 1702 года были спущены в воды Онежского озера, а потом по Свири перешли в Ладогу. Одновременно Шереметеву и Репнину был дан приказ двигаться к шведской крепости Нотебург.

Петр действовал наверняка. Армия Карла была в Польше, а в Ингрии, Карелии и Финляндии оставались весьма слабые группировки и гарнизоны шведско-финских войск. Перевес русской армии, превосходившей противника в разы, был подавляющим. Занятый войной в Польше, Карл не мог помочь своим войскам и гарнизонам в Прибалтике. Серьезным недостатком русских войск было отсутствие у них военных кораблей, без которых контролировать большие водные пространства Ладоги, Невы и взморья

было сложно. Но и здесь Петр многого сумел добиться. В самом начале 1702 года на только что основанной Сясьской верфи голландский мастер Воутер Воутерсон приступил к строительству первых кораблей. Одновременно были основаны две другие верфи – Новолодожская и Лодейнопольская. Так начали создавать будущий Балтийский флот. Сюда, на Ладогу и Онегу, приехали нанятые в Европе моряки и кораблестроители, среди которых было особенно много голландцев, а также греков и иллирийцев – лучших строителей и шкиперов гребных судов на Средиземном море.

Взятие Нотебурга.

Заглянем в источник

Исторические источники дают порой редкую возможность взглянуть на совершившееся в прошлом событие с разных сторон. Сохранилась запись в «Журнале, или Поденной записке Петра Великого», внесенная туда сразу же после штурма Нотебурга. Вот описание самого острого момента штурма:

«Учинился великий пожар в крепости, и потом наши охотники (добровольцы. – Е. А.)... указ получили к нападению и... начало приступа со всех сторон к крепости учинили, который тем охотникам не гораздо удался. Того ради, посланы подполковник Семеновского полка князь Голицын, а потом Преображенского полка майор Карпов... с командированными. И так сей приступ продолжен был в непрестанном огне 13 часов... однакож на брешь, ради крутости и сильного супротивления неприятельскаго, за краткостью наших приступных лестниц... взойти и овладеть не могли;

а неприятели... непрерывно дробом по нашим из пушек стреляли, також бомбы, непрерывно зажигая, со стены катали, от чего великий и несносный вред нашим учинился, чего для уже указ послан был для отступления, но оной посланный ради тесноты пройти до командира не мог, а командующий подполковник князь Голицын суда велел порозжия отпускать, понеже стали люди некоторые от той неприятельской жестокой стрельбы бежать, и когда сие замешкалось, тогда от бомбардир поручик Меншиков суда собирать начал и еще... людей к берегу явно привел для переезда на помощь нашим. Тогда неприятель, видя такое desperatное (отчаянное. – Е. А.) действо наших, также в 13 часов толь утомлен, ударил шамад (сдачу. – Е. А.).».

А вот дошедший до нас шведский документ – «Донесения о главнейшем, что произошло во время осады Нотебурга русскими». Он относится к 1702 году и рисует нам картину, видную со шведской стороны в тот же самый, описываемый «Журналом» Петра Великого момент, когда русские...

«...вметнули в крепость огненный шар (раскаленное ядро. – Е. А.), посредством которого куча разрушенных домов была охвачена пожаром, который с величайшим трудом смогли погасить... вскоре враги начали штурмовать все 3 бреши... Первая атака была с 1 часа до 6 часов утра и враги на этот раз были мужественно отбиты непрерывным киданием гранат, но тем не менее тотчас после этого продолжили со свежими и более многочисленными силами другую атаку... которая тогда же и таким же образом, как первая была отражена. Третья атака совершена врагами с другими свежими и еще более многочисленными силами, с наибольшим натиском до 3 часов после полудня, и была тогда также, но с наибольшим трудом отбита, так как под рукой больше не было гранат и вместо них пришлось пользоваться камнями; и поскольку враги не позволяли себе этим удовлетвориться, но осаждали крепость со всей наличной силой, которая перевозилась на лодьях, и теперь уже (у гарнизона. – Е. А.) не было под рукой многих гранат, также кремней, ружья также из-за продолжительной стрельбы разрывались, все пули были израсходованы... и гарнизон был совсем ослаблен... Тогда все офицеры сделали представление коменданту о невозможности далее обороняться от столь крупной силы, которая снова была готова напасть».

После такой достойной обороны шведы сдали крепость.

И еще один документ – знаменитое письмо Петра I думному дяку А. Винусу с упоминанием о «разгрызении ореха»:

«Объявляю вашей милости, что помощью победыдавца Бога, крепость сия, по жестокому и чрезвычайно трудном приступе

(которой начался в 4 часа по полуночи, а кончился по четырех часов по полудни), здалась на акорт (договор о сдаче. – Е. А.), по которому камендант Шлиппенбах со своим гарнизоном выпущен... Правда, что зело жесток сей орех был, аднако, слава Богу, счастливо разгрызен. Алтиллерия наша зело чюдесно дело свое исправила».

Двадцать седьмого августа 1702 года отряд казаков под командой полковника Ивана Тырнова на тридцати лодках совершил удачное нападение на Ладожскую флотилию шведского вице-адмирала Нуммерса, стоявшую у Кексгольма. Потеряв пять судов из шести и 300 человек, шведы уже не могли прикрывать Ингрию со стороны водных пространств Ладоги. Словом, русское наступление в районе Невы было тщательно подготовлено. Как писал военный историк конца XIX века П. О. Бобровский, «ни один шаг Петра I на сухом пути не был рискованным, был обдуман заранее».

Двадцать седьмого сентября 1702 года сосредоточенная заранее в начале сентября в районе Старой Ладоги русская армия (35 тыс. человек) появилась под стенами Нотебурга, и вскоре осадная артиллерия начала обстрел крепости. Группировка шведского генерала Крониорта, находившаяся на правом берегу Невы и прикрывавшая Выборг, пыталась воспрепятствовать движению русских, но была ими легко отброшена.

Фельдмаршал Михаил Михайлович Голицын.

Действующие лица

Фельдмаршал Михаил Голицын

Потомок древнего рода Гедиминовичей, сын боярина, он начал службу барабанищиком. Современники в один голос говорили о нем: «Муж великой доблести и отваги беззаветной – мужество свое он доказал многими подвигами против шведов». Особенно запомнился всем поступок Голицына 12 октября 1702 года, отчасти уже описанный выше. Тогда во главе штурмового отряда он высадился под стенами Нотебурга. Когда первые атаки стены захлебнулась кровью, царь Петр приказал Голицыну отступить. Но от него, согласно легенде, пришел дерзкий ответ: «Я не принадлежу тебе, государь, теперь я принадлежу одному Богу». Потом на глазах царя и всей армии военачальник приказал оттолкнуть от берега пустые лодки, на которых приплыл его отряд. Подвиг красивый, поистине античный, в духе спартанцев или римлян!

Да и потом Голицын блистал мужеством, никогда не отсиживаясь за спинами своих солдат. Он имел обыкновение, как пишет современник, «идя навстречу неприятелю, держать во рту трубку, не обращая внимания на летящие пули и направленное на него

холодное оружие». Михаил Михайлович отличился в сражении под Полтавой, а в 1714 году стал героем завоевания Финляндии, добился там нескольких важных побед над шведами. Голицын принадлежал к особому типу генералов русской армии, которых все любили: и солдаты, и офицеры, и начальство. Невысокий, коренастый, с темным от загара лицом, ясными голубыми глазами и породистым носом, он был у всех на виду. Его любили не только за отвагу, но и за «природный добрый ум, приветливое обращение с подчиненными», приятные, скромные манеры, что, как известно, среди генералов – достоинство редкое. Да и сам Петр I высоко ценил Голицына. Какой же государь не любит полководца, из ставки которого никогда не улетает богиня Победы! Он называл Голицына так: «Прямой сын Отечества».

Как и многие выдающиеся полководцы, князь Михайло Голицын был наивен и неопытен в политических делах и во всем слушался старшего брата – хитроумного Дмитрия Михайловича. Говорят, что израненный в боях фельдмаршал не смел даже сидеть в присутствии старшего брата – так он его почитал... Близость к Дмитрию и сгубила Михаила. После прихода к власти императрицы Анны Иоанновны в начале 1730 года и роспуска Верховного тайного совета, который возглавлял Дмитрий, фельдмаршал был изгнан из армии и в конце 1730 года умер; я думаю, от тоски – ведь старый орел в клетке долго не живет.

Нотебург – Орешек, крепость на Ореховом острове, у самого истока Невы из Ладожского озера, была построена в 1323 году московским князем Юрием Даниловичем. По Столбовскому миру 1617 года она отошла к шведам и стала называться Нотебургом. Значение ее в обороне всего Приневского района было огромно. Взять же эту островную, хорошо укрепленную крепость с высокими стенами было нелегко. С самого начала русское командование прибегло к мощному и длительному обстрелу островных укреплений крупнокалиберными осадными орудиями – всего по крепости было выпущено около 3000 бомб и ядер. Это вызвало многочисленные пожары и разрушения в крепости, в ее стенах образовались проломы. Одиннадцатого октября после интенсивного обстрела царь послал на лодках штурмовые группы, однако шведский гарнизон, насчитывавший всего 500 человек, мужественно встретил противника и не позволил русским с ходу преодолеть стены. Шведы стойко сопротивлялись 13 часов.

Противники оказались достойными друг друга. Среди штурмующих особо отличился своим мужеством подполковник Семеновского полка князь М. М. Голицын. Но и повторный приступ стен крепости оказался неудачным. Позже прапорщик Кудрявцев и 22 солдата были повешены за то, что «с приступа побежали». Вскоре

подоспела помощь во главе с бомбардир-поручиком, будущим светлейшим князем А. Д. Меншиковым. Войска пошли на новый, третий по счету приступ, однако их вновь ждала неудача... Но в конце концов шведы выбросили белый флаг.

Всегда высоко ценивший воинскую доблесть, Петр I разрешил шведскому гарнизону выйти из крепости, как сказано в «Журнале» Петра Великого, «с распущенными знаменами, барабанным боем и пулями во рту (столько военных припасов по обычаю того времени разрешалось выносить сдавшимся по договору. – Е. А.), с четырьмя железными пушками». Шведы, сев на суда, ушли вниз по Неве, в Ниеншанц. Царь же приказал тотчас начать восстановительные работы в завоеванной крепости, ввел на остров двухтысячный гарнизон, а также переименовал крепость в Шлиссельбург (в переводе с немецкого – «Ключ-город»). Как человек XVIII столетия Петр I, склонный к аллегориям, выбрал такое название не случайно. Взятая крепость была действительно ключевым пунктом в обороне Ингрии.